

Светлана Волошина —

канд. филол. наук, старший
научный сотрудник Научно-
исследовательской лаборатории
историко-литературных
исследований ИОН РАНХиГС,
автор книг «Власть и журналистика.
Николай I, Андрей Краевский
и другие» (2022), «Утопия и жизнь.
Биография Николая Огарева» (2016).
s.m.voloshina@gmail.com

«**S**ans-crinolines, идущие на замену sans-culottes'ам»:

О туманности терминологии и властном циркуляре 1866 года

Аннотация

Отечественная власть впервые обратила внимание на вестиментарные привычки подданных в 1866 году, после покушения на императора Александра II. Нарушением конвенций и традиций, определяющих внешний вид женщин привилегированных слоев общества, стал так называемый «костюм нигилистки»: его ношение было официально признано властями «дерзостью, заслуживающею не только порицания, но и преследования».

В статье прослеживается взаимосвязь между визуальными характеристиками группы подданных («нигилисток») и реакцией на них высшей власти, трактовавшей эти характеристики как признак политической оппозиции.

Привычно сосредоточившись на политической стороне дела, власть не учла относительно новый фактор, играющий все большую роль в демократизирующемся обществе, — моду с ее быстрым развитием и множеством культурных, идеологических и личностных нюансов, влияющих на «личный фасад», большее разнообразие в области визуального, чем традиционно принято в сословном обществе.

Ключевые слова

Нигилистки, нигилизм, мода и революция, власть и мода, эпоха Александра II, вестиментарные привычки, кринолин, XIX век

Нигилизм — одно из самых неопределенных понятий в отечественной истории. Точнее многих его определил Николай Николаевич Страхов, в соответствии с самим термином отказавшись от положительного его объяснения: «нигилизм, по нашему мнению, едва ли существует, хотя нет никакого сомнения, что существуют нигилисты» (Страхов 1890: 201).

Однако, когда с неясностью терминологии сталкиваются властные агенты, отсутствие точного, определимого денотата воспринимается ими как угроза, а слово начинает трактоваться в максимально расширительном значении. Учитывая же, что определения и термины в оптике власти имеют практическую значимость (власть должна предпринимать действия в отношении даже предполагаемого подозрительного объекта), неудивительно, что такое широкое толкование представляет опасность для всех групп подданных, в большей или меньшей степени подпадающих под крамольный термин.

В случае с нигилистами и (здесь феминитив особенно важен) нигилистками в 1860-х годах прослеживается сложная взаимосвязь между их визуальными характеристиками, вестиментарным поведением, — и реакцией на них высшей власти, трактовавшей эти характеристики как признак политической оппозиции. Кроме того, наименование носителей этого «встречного» социокультурного движения власть распространила на гораздо более широкий спектр культурной, идеологической и политической оппозиции, а также сложно идентифицируемые направления, такие как «прогрессисты»¹. Причина этого максимально расширительного толкования нигилистов (нигилисток) властью заключается (чуть ли не в последнюю очередь) в относительной простоте их идентификации — по костюму.

В качестве центрального (и исходного) документа, вокруг которого выстраивается не совсем линейная mind map статьи, выступает распоряжение нижегородского генерал-губернатора Николая

Александровича Огарева, перепечатанное в газете «Голос» от 6 ноября 1866 года. Резонансу (если не учитывать боковые ответвления) способствовала и последовавшая заметка Александра Ивановича Герцена в «Колоколе»².

«...Г<осподин> нижегородский генерал-губернатор Огарев в отношении от 13 октября 1866 года, за № 140, к г<осподину> начальнику губернии, изъяснил: замечено им, что на улицах Нижнего Новгорода встречаются иногда дамы и девицы, носящие особого рода костюм, усвоенный так называемыми „нигилистками“ и всегда почти имеющий следующие отличия: круглые шляпы, скрывающие коротко обстриженные волосы, синие очки, башлыки и отсутствие кринолина.

Со дня преступления 4 апреля среда, воспитавшая злодея, заклеямена в понятии всех благомыслящих людей, а потому и ношение костюма, ей присвоенного, не может, в глазах блюстителей общественного порядка, не считаться дерзостью, заслуживающею не только порицания, но и преследования.

Ввиду этого он признает нужным просить г<осподина> начальника губернии обратить особое внимание на подобные личности и поручить городским и уездным полициям приглашать всех, одетых вышеописанным образом, в полицейские управления и обязывать их подписками изменить свой костюм. В случае же сопротивления с их стороны к выдаче требуемого обязательства объявлять им, что они будут подлежать высылке из губернии на основании существующих узаконений, и затем учреждать за образом их жизни, действиями и сношениями строгое наблюдение»³.

Нигилизм: ОПЫТЫ ТЕРМИНОЛОГИИ

«Нигилизм» появился во властных документах за три с половиной года до процитированного распоряжения, в годовом отчете III отделения — ведомстве, в функции которого входили и сбор сведений «о всех без исключения происшествиях», и наблюдение «за мнением общим и духом народным» (Сидорова, Щербакова 2006: 6). В подразделе «О народном духе» всеподданнейшего доклада за 1862 год (подписанного 2 марта 1863 года главноначальствующим III отделения и шефом жандармов Василием Андреевичем Долгоруковым) сообщалось о запрещенных в течение года журнальных статьях и описывалось «направление нашей литературной фаланги». Эта фаланга имеет «две главные исходные точки» — одна «в духе чистого славянства; другая есть отвлеченное, западное утопическое учение социализма и коммунизма, примененных к расколу».

Далее автор заключал, что «действия» этих двух направлений «сливаются в преследуемой ими системе „нигилизма“ или отрицания всего существующего государственного порядка при старании унижать публично достоинство правительственных лиц и осуждать принимаемые правительством меры судебные, финансовые, административные и, особенно, полицейские» (Россия под надзором 2006: 594).

Определение сколь удивительное, столь и широкое: по мнению руководства тайной полиции, нигилизм представляет собой чуть ли не гегельянский синтез славянофильства и утопического социализма, примыкает к анархизму, но имеет, однако, одну ясную цель — публичную дискредитацию властных агентов и их мер.

Таким образом, «нигилисты» вошли в вокабуляр официальных документов в начале 1863 года — вскоре после выхода тургеневских «Отцов и детей», пустивших название в широкий оборот. Характерно, что оно подхватывается именно III отделением — институтом, чутким к литературным, а значит (в контексте большей части русского XIX века), и политическим изменениям. Новое слово отсылало не к известному референту, но к новой, малознакомой (почти незнакомой) и уже поэтому несущей опасность реальности: чему-то иначе мыслящему, возможно, действующему, а главное, властью не санкционированному, и потому требующему властного ответного действия.

В случае с нигилизмом эта туманность формулировки социокультурного (а значит, в оптике власти, и политического) явления особенно резко контрастирует с определенностью, жесткостью (хоть и неспешностью) властных действий. Однако, привычно сосредоточившись на политике, власть не учла относительно новый фактор, играющий все большую роль в демократизирующемся обществе, — моду с ее быстрым развитием и множеством культурных, идеологических и личностных нюансов, влияющих на «личный фасад»⁴; большее разнообразие в области визуального, чем традиционно принято в сословном обществе.

Важно отметить, что сложности в дефиниции касаются здесь не только властного — внешнего — взгляда на «нигилистов», и, точнее, на «нигилисток» (один из немногих примеров в отечественной истории, когда феминитив упоминается едва ли не чаще, чем базовый маскулатив).

Неясность начиналась с самоназвания: в начале 1860-х годов граница между «лагерями» нигилисток и «феминисток» (название, которое объективно употребляет автор фундаментального труда о женском освободительном движении в России Ричард Стайтс, последние

не использовали) «была размыта, а их представительницы принимали участие в одних и тех же акциях, а иногда и выглядели одинаково. Нигилистки использовали понятие „аристократка“ в отношении более элегантных лидеров феминисток, однако извратили его значение, применив это понятие к тем нигилисткам, которые сохраняли на себе отпечаток своего изнеженного прошлого» (Стайтс 2004: 104).

Современник, лично знакомый с представителями (представительницами) различных оппозиционных направлений, — Петр Кропоткин, — также подчеркивает, что костюм не был конституирующей чертой «нигилисток». Описывая участниц «женского движения» разных возрастов («старших и младших сестер»), он подчеркивал, что «старшие» «не порывали с молодыми студентками, типичными нигилистками по внешности: стрижеными, без кринолинов, щеголявшими демократическими замашками <...> Вожаки женского движения, казалось, говорили более демократической молодежи: «Мы будем носить наши бархатные платья и шиньоны, потому что нам приходится иметь дело с глупцами, видящими в наряде признак политической благонадежности; но вы, девушки, вольны в ваших вкусах и наклонностях» (Кропоткин 1988: 254).

Таким образом, разница в костюме не коррелировала с идеологией, но была лишь тактической уступкой старших, берегших силы для борьбы вне поля визуальности.

Необходимо, однако, отметить, что мнению Кропоткина противоречит, в частности, свидетельство Елены Штакеншнейдер о неудавшейся попытке организации «большого общества для поощрения женского труда». Идею об обществе подал Петр Лавров в 1863 году, а прошение министру внутренних дел об утверждении общества передали в 1865-м («графиня Вера Николаевна Ростовцева, Анна Павловна Философова, Иван Давидович Делянов и некто Воронов, служащий в министерстве народного просвещения»).

Елена Штакеншнейдер повествует о конфликте между «распорядительницей» — графиней Верой Ростовцевой и ее сторонницами, с одной стороны, — и «оппозицией», возникшей сразу же после получения обществом разрешения на открытие и желавшей видеть во главе свою ставленницу.

В разделении сторон конфликта внешность участниц представляется конституирующей чертой.

«Но <...> достаточно было видеть на собрании у Философовой обе группы, — ту, что окружала Ростовцеву, дам в модных шелковых платьях и модных шляпах, и ту, что окружала Ценину, в черных шерстяных, и совсем без шляп на стриженных головах, — чтобы понять, какие

два несродных элемента призваны действовать заодно; и что из этого ничего путного выйти не может. Лавров был в отчаянии; и тем более, что большая часть бунтующих были его клиентки. <...> враги сошлись и, созерцая друг друга вблизи, прониклись друг к другу только пушей антипатией, сговориться же все-таки не могли, потому что не могли или не хотели понять друг друга, точно говорили на разных языках» (Штакеншнейдер 1934: 349–352).

Подобные разногласия в свидетельствах очевидно затрудняют и без того непростое определение «нигилисток».

«Прошлое», то есть сословная и социальная принадлежность (и имущественное положение), равно как матримониальный статус, также не вносили ясности в их определение.

«Руководительницы российского женского движения, бывшие в начале своей деятельности довольно молодыми женщинами, являлись высокообразованными представительницами привилегированных слоев. Этим можно объяснить их осторожность и отказ от полного разрыва со своим прошлым, а также с традициями и семьей, что были готовы сделать нигилистки. Некоторые из наиболее выдающихся нигилисток и революционерок также были выходцами из очень богатых и высокопоставленных семей, другие же, к началу нового этапа их жизни, уже находились длительное время в браке и были матерями» (Стайтс 2004: 105).

Попытки определить нигилизм через положительные ценности (что вступает в противоречие с названием) также не приносят особых плодов. «Нигилизм прокладывал *путь* идее о равенстве всех без различия людей» (Дейч 1925: 17): это более позднее заявление Льва Дейча больше относится к публицистике, чем к идеологии. Сведущий в политических нюансах времени Кропоткин определяет нигилизм тоже общо, как «борьбу за индивидуальность», против «целого мира привычек и обычаев, созданных рабством», и объясняет его через различие. Это не «революционное движение, которое вспыхнуло в России к концу царствования Александра II и закончилось трагической его смертью <...>. Смешивать нигилизм с терроризмом все равно что смешать философское движение, как, например, стоицизм или позитивизм, с политическим движением, например республиканским» (Кропоткин 1988: 283), — утверждал он.

Пожалуй, из трех вариантов «ответа на женский вопрос» (появившихся во время правления Александра II): феминизма, нигилизма и радикализма (Стайтс 2004: 102), нигилистки находились где-то в центре социально-политической шкалы. Их цели были шире и радикальнее, чем у «феминисток», при этом до политического

радикализма они доходили редко. «Виды протеста нигилистов сами по себе не означали революционного взгляда на жизнь», — отмечает Стайтс, в очередной раз делая необходимую оговорку: «на деле многие нигилистки 1860-х гг. принимали участие в радикальной деятельности» (там же).

Нигилистки «настаивали на полном освобождении от ига семьи (как дочерей, так и жен), свободе в заключении браков, сексуальном равенстве — короче говоря, на личной эмансипации, а хорошее образование и работа являлись ее естественными следствиями». Отличие было в нетерпеливости и, следовательно, в общественном поведении: если «полное освобождение женщин» феминистки рассматривали «как неясную перспективу», нигилистки считали его «близкой и вполне осуществимой задачей». В этом и заключается одна из причин того, что поведение нигилисток как в частной, так и в общественной жизни было нестандартным и более впечатляющим, чем поведение феминисток» (там же).

Собственно, именно по поведению, частью которого можно считать внешний облик, отличавшийся от привычного, можно провести условный водораздел между «феминистками» и «нигилистками». Отличие женской одежды и некоторых аксессуаров было единственным признаком (наряду с откровенно грубоватыми манерами), легко фиксирующимся невооруженным глазом. Этот признак и был взят властью за основу определения оппозиционной группы именно потому, что был единственным. При этом, повторюсь, «нигилистическое» движение имело отношение к политической оппозиции лишь в отдельных, почти исключительных случаях.

Однако властная логика шла из иных позиций, а именно из необходимости принятия срочных мер после апрельского покушения 1866 года. «Внутреннего врага» требовалось локализовать, и из-за специфического облика и манер, которые было легче отследить, название «нигилист(ка)» стало широким обозначением для власти всего самого политически неблагонадежного и опасного.

Важно отметить, что манифестированно нетрадиционный костюм и прическа нигилисток отчасти имели и практическое объяснение.

«Костюм нигилистки»: между практичностью и идеологией

Изменение костюма женщины (речь идет об образованном сословии) в самом начале 1860-х годов было во многом связано с вступлением (попытками вступления) в университетскую и профессиональную

(в основном медицинскую) среду, где кринолин был не только неудобством, но и опасностью⁵. Кроме того, укладка длинных волос ежедневно занимала от сорока минут до полутора часов. Так, мемуаристка Елизавета Водовозова приводит в воспоминаниях типичный диалог между сторонниками «традиционных» атрибутов женской привлекательности и «нигилистических» взглядов⁶.

Поэтому, при регулярной надобности вставить относительно рано и активно передвигаться по городу, кринолины и длинные волосы становились досадной обузой.

Неудобства, причиняемые кринолином при сколько-нибудь активном образе жизни, к 1866 году стали общим местом дискуссий о моде и гигиене и, как следствие, привели к значительному уменьшению объема кринолина, а также к появлению его более «прогрессивной» модели:

«Вопрос о кринолине довольно важен в настоящее время. Кринолин еще *существует*, вопреки разным толкам и некоторым дамам, забежавшим вперед, снявшим кринолин и не знающим, чем заменить его (легко себе вообразить, как им самим неловко и как неловко на них смотреть); но нынешний кринолин маленький, совсем маленький, почти незаметный, по необходимому, чтоб поддерживать длинный и широкий трэн платья. Для большего удобства, при гулянье под руку с кавалером, при езде в экипаже, нынешние кринолины способны уменьшаться до бесконечности посредством шнурков, проведенных по бокам, где стальные рессоры соединяются колечками и удобно вздергиваются наверх», — сообщалось в майской книжке 1866 года журнала «Модный магазин»⁷.

Вообще частота обсуждения «вопроса о кринолине» в модных обозрениях этого года, а также смена «генеральной линии» в его решении свидетельствует об отсутствии единого мнения на этот счет. «Нигилистический» подход (упомянутый в указанной цитате и обозначенный как нежелательный) был одним из полюсов текущих тенденций в моде⁸.

Следующим (необязательным, но вписывающимся в общий дискурс) внешним атрибутом занятой учебой или работой женщины становился более или менее демонстративный отказ от ухоженности: пресловутая «краса ногтей» также требовала времени и потому становилась маркером праздной жизни. Темпоральность «новых людей» всего спектра (нигилистов в их числе) была иной, чем у «традиционных» женщин, чья сфера деятельности ограничивалась в основном домом и светскими мероприятиями. Впрочем (снова необходимая оговорка), отказ от упомянутых атрибутов традиционной

женственности нередко объяснялся не прагматикой, а идеологией и желанием ее продемонстрировать «личным фасадом».

С прической отчасти была связана еще одна упомянутая деталь внешнего облика «нигилисток»: круглая шляпа. Можно предположить, что, при отсутствии массивного шиньона и уложенных в узел длинных волос, круглая шляпа, полностью закрывавшая затылок, была и удобней, и лучше защищала от холода и ветра (жалобы на часто простужавшихся модниц в открытых у затылка шляпках были общим местом многих мемуаров современников).

К сожалению, «круглая шляпа» вовсе не была названием какого-либо определенного фасона, и понять в точности, что именно имелось в виду в распоряжении нижегородского генерал-губернатора Огарева, довольно сложно. Вероятно, имелась в виду шляпы без лент, завязывавшихся под подбородком и прижимавших поля шляпы сбоку к щекам (как следствие, поля шляпы с лентами переставали создавать круг в вертикальной проекции). Можно предположить, что такие шляпы были лишены традиционных украшений (цветов, фруктов) и воспринимались как мужской или маскулинизированный аксессуар.

Часть таких «круглых» шляп несли и политический подтекст: это могли быть и небольшие шляпы фасона «Гарибальди», и широкополые «Fra Diavolo». И те и другие ассоциировались со свободомыслием и бунтарским духом. Первая отсылала к известному итальянскому революционеру, вторая — к романтизированной фигуре итальянского разбойника и борца с французской оккупацией в южной Италии в конце XVIII — начале XIX века (а также герою оперы Обера, с 1831 года ставшей частью репертуара петербургской сцены) (см.: Thorstensson 2016: 271).

Синие очки обладали меньшим практическим и идеологическим смыслом и служили, скорее, аксессуаром, открыто обозначающим принадлежность к группе. При этом синие (и зеленые) очки довольно широко использовались и раньше: затемненные стекла очков защищают слабые глаза от яркого света; еще чаще ими пользовались при чтении и письме. Нигилисты (нигилистки) же «вывели» этот чисто домашний и кабинетный аксессуар на публику, демонстрируя ей свою привычку к интенсивным интеллектуальным «неженственным» занятиям. Женщина в синих очках также показывала свое равнодушие к собственной привлекательности (один из традиционных объектов — «прекрасные глаза» — был спрятан за темными стеклами) (Ibid.: 272–273). Отсутствие кринолинов и ярких цветов платьев также

свидетельствовало о принципиальном отказе от «женских уловок» и обычного инструментария «прелестниц».

Так, косвенным образом внешность молодых женщин была отчасти связана если не с оппозиционной активностью, то с попытками изменить традиционный семейный и, следовательно, социальный уклад, выйти из экономической (и, таким образом, психологической) зависимости от мужа и/или семьи, обретя профессию, а до того — получив образование⁹.

Путь в профессиональный (и шире — свободный) мир лежал через высшее образование, и с самого начала 1860-х годов в университетских аудиториях стали появляться девушки (в основном — из дворянской среды: участь телефонисток, швей и других подобных, более или менее новых профессий — малооплачиваемых и неинтеллектуальных — их не устраивала).

Примечательно, что поначалу инерция восприятия традиционного облика женщины из «хорошего» сословия шла вразрез с эмпирикой. Так, военный министр Дмитрий Алексеевич Милютин («известный в консервативных кругах как Мирабо или даже «красный») описал этих девушек как «революционерок в кринолинах, наиболее фанатичных из всех» (Стайтс 2004: 88). Консервативный если не в идеологии, то в силу возраста и общественного положения чиновник транслировал привычную, нормативную визуальность: ведь все молодые дворянки носят кринолин — часть принятого женского костюма этого сословия, в то время как именно слушательницы университетских курсов от него отказались.

Очевидец (А. Пантелеев, он же Алексей Еремеев) описывает одну из первых «студенток» — Наталью Корсини, дочь известного петербургского архитектора, — посетившую в 1860 году лекции Константина Кавелина, как «барышню <...> всегда одетую в черное шерстяное, простого фасона платье; волосы у нее были несколько подстрижены и собраны в сетку» (Пантелеев 1958: 213).

Этот облик стал привычным и даже обязательным для слушательниц курсов. Важно отметить, что на ношении простого черного платья без украшений и сетки для волос позже (в начале 1870-х годов) настаивало начальство медицинских курсов для женщин¹⁰. И если максимально простое монохромное платье, хоть и схожее с платьем нигилисток, таким образом, легитимизовалось, то короткую стрижку продолжали трактовать как оппозиционную эмблему и требовали — особенно в присутствии университетского руководства — скрывать ее под сеткой¹¹.

Впрочем, студентки (не только медицинских курсов), чье вхождение в стены (традиционно чисто мужских) высших учебных заведений само по себе было скандалом, сами отказывались от привычных костюмов, аксессуаров и причесок. Все эти атрибуты подчеркивали «женственность» и, таким образом, объективировали курсисток, в то время как целью их появления в университете была субъектность.

Отказ от традиционно «женственного» костюма и манер воспринимался многими современниками как попытка подражания мужчинам, отказа от собственного гендера, и здесь, пожалуй, может находиться одна из причин беспокойства власти, привычно экстраполировавшей нарушение иерархии и установленных ролей в бытовой, литературной и иных неполитических сферах на разрушение иерархии государственной¹².

Чуткие представители истеблишмента поддерживали такую точку зрения. Так, консервативный журнал «Домашняя беседа» напечатал свидетельство некой «почтенной дамы», матери семейства, решившейся посетить одну из университетских лекций и, конечно, фраппированной вопиющей «антиженственностью» молодых слушательниц. Она увидела «каких-то не то дам, не то девиц с подстриженными в кружок волосами, в ямщицких шляпах, в чем-то вроде казакинов и в коротких платьях. Они фамильярно здоровались с молодыми людьми, протягивали им руки через ряды кресел, — вообще, вели себя так, как немецкие Burschen»¹³.

Восприятие увиденного «почтенной дамой», оберегавшей традиционное расположение сил на социальном поле, здесь вполне соответствует восприятию власти, разве что дама, в силу своей политической невинности, приняла шляпы фасона «Гарибальди» за «ямщицкие».

Обеспокоили ее и нарушения общественных «кодов»: свободное, мужское (как у «буршей») поведение девиц и не обусловленное салонными нормами их общение с противоположным полом.

Таким образом, к 1866 году, первому покушению на Александра II и последовавшей за ним реакции, женское движение было органической частью быстро развивающегося пореформенного общества. Однако и III отделение, чьей прямой обязанностью был и анализ общественных страт, организаций и движений, и, вслед за ним, Министерство внутренних дел, и Александр II, не стали входить в нюансы, обозначив всю начавшую цвести сложность женского движения неприятным непривычному слуху названием «нигилистки».

По крайней мере, реакция власти была направлена именно на нигилистов, точнее, «нигилистов» — всех тех, кого власть причисляла к этому широкому понятию.

«Оскорбленный Взор»

Меры, предпринятые властью, позволяют описать ее реакцию как «оскорбленный взор»: восприятие разнообразных визуальных явлений (предметов одежды и быта, скульптуры, изображения и так далее) как политически нагруженных и оппозиционных¹⁴.

Безусловно, подобной «повышенной семиотической чувствительностью» обладало не только правительство Александра II. К «опыту рукопашной схватки с властью» (Фюрекс 2022: 28) с помощью знаков («значимо становилось все: флаги, перевязи <...> статуи и бюсты, цветы в петлице или в руке... мелкие предметы повседневного обихода...») (Мильчина 2022: 14) прибегали в разные времена и разных странах.

При этом, если, например, во Франции «борьба» подобного рода велась «не только против, но и за — за создание нового, идеального общественного строя, предвестием которого становятся новые политические знаки» (там же: 15), то отечественные нигилистки *sans-cinopolines* имели целью не новый политический порядок, а отдельные права и частичное равенство с мужчинами в возможностях получения образования и профессии.

Здесь важно отметить, что властный «взор» «оскорбляется» и тогда, когда увиденные знаки не имеют точного опасного референта, когда «они отсылают не просто к некоему референту (такому, как король, суверенный народ, великий человек и так далее), но к другим более или менее потаенным реальностям, как то: близящаяся революция, завуалированное мнение, проект заговора, инакомыслие и проч.» (Фюрекс 2022: 151). В нашем случае референтом выступает самое невинное из перечисленного: «завуалированное мнение».

Оскорбление властного взора достигло пика во время политической нестабильности, в 1866 году: в этот момент «сильной политизации» отечественное, в первую очередь столичное, публичное пространство превратилось «в арену, где сталкиваются носители знаков» (там же: 118)¹⁵.

Власть в этом случае провела самую прямую логическую цепочку: с запрещением знака, «вуали», должно исчезнуть и само явление.

Всподданнейший доклад III отделения за 1866 год напрямую связывает покушение Дмитрия Каракозова с «нигилизмом» и другими оппозиционными идеологиями и практиками. Каракозова якобы поддерживали «соумышленники» — «горсть ничтожных личностей», которые тем не менее «образовали в Москве тайное общество, под названием „организация“, которое имело целью распространять

социалистическое учение; разрушать начала общественной нравственности; колебать веру в основы религии и путем революции ниспровергнуть существующий в государстве порядок». Это происходило при поддержке «журналистики, явно распространявшей идеи социализма и нигилизма, с возбуждением общественного мнения против правительственной власти и государственного управления» (Россия под надзором 2006: 654–655).

Власти требовалось действовать быстро, и наиболее доступным для изменений, то есть исправлений, объектом были визуальные характеристики одной из групп, предположительно близкой к оппозиционным и чье название уже привычно использовалось для большинства из них.

Более того — мужской «нигилистический» костюм было сложнее идентифицировать визуально: к 1866 году дворянская борода уже не была под запретом, а небрежность в платье могла свидетельствовать скорее о затруднительном материальном положении (и вредных привычках) молодых людей, чем о сознательно выстроенном облике.

При этом распоряжение нижегородского генерал-губернатора Огарева, ставшее известным как благодаря популярному «Голосу» и запрещенному на территории Российской империи, но также популярному «Колоколу», вызвало ярко негативную реакцию общества.

Герцен, комментируя распоряжение нижегородского начальника, пронизательно замечает: «мы не думаем, чтоб эта *скотская* и позорная мера принадлежала ему. Мы ее прежде видим в Москве. Мера эта идет из Петербурга, она останется меркой бездонной глупости прогрессивного правительства».

Александр Васильевич Никитенко в записи дневника от 5 ноября 1866 года с горечью прокомментировал: «Администрация в этом усердии доходит до того предела, где ее странные распоряжения уже перестают быть странными, а становятся комическими» (Никитенко 1956: 55).

Негативную реакцию общества зафиксировало и отметило и III отделение. В секретном архиве III отделения находится дело, датированное 11 ноября 1866 года, под названием «Агентурное донесение об отрицательном мнении города Петербурга к циркуляру генерал-адъютанта Огарева „о нигилистах“».

«Известный циркуляр генерал-адъютанта Огарева о нигилистах быстро распространился во всех обществах и вызвал самые неблагоприятные толки. Циркуляр этот читается не только в обществах; но и во всех почти публичных местах, в трактирах и т.п. заведениях и везде слышатся по поводу его самые едкие насмешки. Не отстают

от публики и журналисты и в сегодняшнем № газеты „Весть“ появилась резкая статья насчет циркуляра. Нет сомнения, что одним этим не ограничится и вариаций на эту тему будет много еще.

Самое-то грустное то, что в большинстве случаев убеждение, что подобная мера не иначе могла быть принята, как по инициативе высшего Правительства или по меньшей мере — с разрешения его, — а потому и ропот на генерала Огарева соединяется с идеею о Правительстве»¹⁶.

Авторы документов о защите оскорбленного взора

И Герцен, и общественное мнение (переданное огорченным агентом) были правы: мера была принята с разрешения высшего правительства.

Первый по хронологии документ, послуживший основой для рескрипта Огарева, относится к 10 мая 1866 года и принадлежит Николаю Владимировичу Мезенцову (начальнику штаба корпуса жандармов). По традиции наиболее важные документы III отделения (представляемые императору) составлялись непосредственным подчиненным главноуправляющего. Главноуправляющий же (после покушения 1866 года им был назначен Петр Андреевич Шувалов) обычно ставил свою подпись, внося лишь минимальные изменения в черновик.

Текст Мезенцова (это было отношение петербургскому обер-полицеймейстеру) почти без изменений был подписан Шуваловым и выслан «секретным конвертом Его С<иятельство>у Князю Владимиру Андреевичу Долгорукову» в Москву 28 мая 1866 года.

Очевидно, тот же текст был циркулярно разослан начальникам как минимум трех крупных городов, с изменениями лишь топонимов («На улицах Невского и других проспектов продолжают, в последнее время, показываться дамы и девицы, носящие особого рода костюм, известный под общим названием „нигилисток“...», либо на «На улицах Москвы...»).

Разумеется, текст этого послания, адресованного от главноуправляющего III отделением С.Е.И.В. Канцелярии высоким чинам, был известен Александру II и одобрен им для циркулярной рассылки.

Еще одним звеном этой цепи, также очередным свидетельством непонимания высшей власти различий в философских, идеологических, общественных (и в итоге — политических) течениях в это время выступает всеподданнейшая записка тайного советника барона Егора Егоровича Врангеля (среди прочего, делопроизводителя

в следственной комиссии по делу о покушении Каракозова на Александра II).

Обширная записка касалась вопросов истоков, развития опасных идей и обществ на Западе и их проникновения и распространения в России¹⁷.

Слово «нигилизм» в записке не употребляется (там фигурирует лишь «коммунизм»), однако она входит в дело под общим заглавием «Об учении нигилистов и коммунистов», и листы, посвященные рескриптам о «костюме нигилисток», предшествуют ей и после завершают дело.

Таким образом, не сводя прямо два явления, власть воспринимала и изложенное Врангелем «учение коммунистов», и ношение дамами «костюма нигилисток» как одно и то же нарушение и опасность для государственного устройства.

Записку барона Врангеля Екатерина Щербакова, автор работы «„Отщепенцы“. Путь к терроризму (60–80-е годы XIX века)», назвала «примером типичных околоправительственных размышлений» (Щербакова 2008: 84), но здесь стоит сделать ремарку: это не просто «размышление около», а текст, написанный прямо по заказу императора Александра II, что дает этой (всеподданнейшей!) записке особый вес.

Инициатива здесь, равно как и в вопросе с кринолинами, шла непосредственно от царя, либо была им одобряема. Так, 4 июля 1866 года Шувалов сообщал Врангелю: «Государь Император, по прочтении представленной Вашим Превосходительством записки о развитии коммунизма в Западной Европе и проявлении его в последнее в время в России, с изложением мер к предотвращению дальнейшего распространения этого учения — изволил Высочайше повелеть выразить Вам благодарность Его Величества за вполне успешное исполнение поручения, возложенного на Вас Государем Императором»¹⁸.

Мода против правительства

Раздражение в обществе вызвала не только предпринятая мера, чересчур жесткая в отношении даже не группы, а отдельных людей, с политической оппозиций (по крайней мере, напрямую) не связанных, но и устаревшие, нерелевантные представления власти об обществе¹⁹.

Так, о распоряжении писали в «Отечественных записках» (декабрьской книжке за 1866 год), осуждая такую меру и ссылаясь на здравый смысл.

Автор статьи возмущался: так как, «во-первых, башлыки в настоящее время усвоены почти всеми дамами», то «ни одна почти дама не избежит неприятностей. А между тем, башлык представляет такую прекрасную вещь по нашему климату, что корреспондент „Times“, сопровождавший принца Уэльского в Россию, пришел от него в восторг; а корреспонденты английских газет, и особенно „Times“, отличаются вообще трезвостью воззрений и понятий. Точно так же изгнание кринолина давно уже было делом первой необходимости в нашем климате <...> Наконец, в последнее время многие дамы, совсем не нигилистки, остригли волосы или вследствие головных болей или для того, чтоб усилить и улучшить свои шевелюры — желание, очень понятное в дамах, остригли потому, что на остриженные волосы, благодаря нередкости этого явления, перестали указывать пальцами... И Боже избави, если у них еще болят глаза, если доктор предписал им носить голубые очки!»²⁰

Заметка эта написана не без тенденциозности, однако, даже с учетом направления журнала (новой квартиры бывших «современников»), упреки ее автора имеют под собой основание. Визуальная нормативность за несколько лет успела измениться²¹, и предлагаемые в распоряжение административные меры раздражали общественное мнение как своей жесткостью, так и явным незнанием администрацией современных тенденций и имплицитным отсутствием заботы о гигиене и здоровье женщин. «Костюм нигилистки», как его назвали власти, если не стал полностью конвенциональным, то перестал быть совсем маргинальным.

Еще одно свидетельство популярности деталей «костюма нигилистки» предоставляет тот же «Модный магазин» чуть ранее, в 1864 году.

«Хотя круглые шляпы показались уже несколько лет тому назад, но они еще не так всеупотребительны, как бы было желательно. Мы знаем даже нескольких особ, которые считают неприличным надеть такую шляпу. Это мнение очень ошибочно и несправедливо. Настанет скоро время, когда они докажут противное и заставят даже самых строгих порицателей быть о них более высокого понятия. Да наконец, какой недостаток находят в круглых шляпах? То, что они пока новость, не везде принятая, одним словом, молодая мода <...>».

Преступление круглой шляпы заключается не в вине, а в несчастии. До сих пор она дурно дебютировала. Она ошиблась несколько выкройкой, а главное, ею завладели щеголихи известного круга, и потому никто не хотел воспользоваться ее красивым, кокетливым и грациозным фасоном»²².

Автор модного обзора авторитетно заявляет о возрастающей популярности «маленькой, удобной, хорошенькой шляпы», которую носят еще не все лишь потому, что изначально фасон был скомпрометирован «щеголихами известного круга», то есть «нигилистками». Надо полагать, авторы докладов из III отделения, равно как и другие высшие чиновники, не включали в свою аналитику вероятность того, что деталь одежды, известная им как политический знак, будет подхвачена широкой аполитичной модой.

Возвращаясь от круглых шляп к распоряжению, стоит отметить, что общественное мнение (в виде периодической печати) выбрало себе относительно безопасный объект для критики — нижегородского губернатора и его рескрипт. Однако при перепечатке рескрипта в столичных изданиях и обсуждении стало очевидно, что целью критики является центральная власть, не желавшая проводить дефиниции в оттенках социокультурных движений и, таким образом, «отсталая».

Краткое содержание всей истории и ее результат прекрасно описано цитировавшимся уже выше Герценом.

«Монарх, возмущенный тем, что они («нигилистки». — С.В.) отступили от *предписанной формы*, выдал их на расправу старичкам.

Дело было немаловажное. Совет, сенат, синод, министры, штаб, архиереи и все другие полиции объединились для того, чтобы решительно пресечь зло. Прежде всего решили исключить молодых особ из высших учебных заведений <...>. Затем было приказано — под страхом быть арестованными свирепыми орангутангами из полиции и заключенными в карцер — носить кринолины, снять очки и в двадцать четыре часа отрастить себе волосы.

Эти чрезвычайные меры общественного спасения принесли величайшую пользу не архиереям и не отцам отечества, а юным нашим *нигилисткам*».

По мнению Герцена, государство тем самым помогло им отвлечься от внешних атрибутов, «театральной стороны», и «развиваться во всю ширь и со всей свободой», сосредоточившись при этом на смысловой, то есть политической стороне дела.

«Снять одежду, которой придавалось условно-партийное значение, — вещь нелегкая. *Государство*, со своей обычной грубостью, взяло это на себя, оставив вдобавок маленький ореол мученичества на их стриженных волосах.

Теперь избавившись от своего костюма, плывите *в просторы...*» (Герцен 1957: 559–560).

Герцен здесь прав и в хронологическом отношении: «белый террор» 1866 года можно считать завершающей рамкой нигилистического движения — его нарочито-костюмированной стороны, но не сути. Высылка из столиц нигилистов, как и других «прогрессистов», в очередной раз стала мерой не пресечения, но, напротив, распространения порицаемых правительством идей «на просторах» страны.

Литература

- Водовозова 1964* — Водовозова Е.Н. На заре жизни: В 2 т. Т. 2. М., 1964.
- Волошина 2022* — Волошина С.М. Власть и журналистика. Николай I, Андрей Краевский и другие. М., 2022.
- Герцен 1957* — Герцен А.И. Собрание сочинений: В 30 т. Т. 11. М., 1957.
- Дейч 1925* — Дейч Л. Роль евреев в русском революционном движении. Т. 1. М.; Л., 1925.
- Дело Чернышевского 1968* — Дело Чернышевского. Сборник документов. Саратов, 1968.
- Кропоткин 1988* — Кропоткин П.А. Записки революционера. М., 1988.
- Мильчина 2022* — Мильчина В.А. От переводчика / Фюрекс Э. Оскорбленный взор. М., 2022.
- Некрасова 1882* — Некрасова Е.С. Женские врачебные курсы в Петербурге: Из воспоминаний и переписки первых студенток // Вестник Европы. 1882. № 12.
- Никитенко 1956* — Никитенко А.В. Дневник: В 3 т. Т. 3. М., 1956.
- Пантелеев 1958* — Пантелеев Л.Ф. Воспоминания. М., 1958.
- Пиетров-Эннкер 2005* — Пиетров-Эннкер Б. «Новые люди» России: развитие женского движения от истоков до Октябрьской революции. М., 2005.
- Россия под надзором 2006* — «Россия под надзором»: отчеты III отделения 1827–1869: Сб. документов / Сост. М.В. Сидорова, Е.И. Щербакова. М., 2006.
- Сидорова, Щербакова 2006* — Сидорова М.В., Щербакова Е.И. Предисловие / «Россия под надзором»: отчеты III отделения 1827–1869: Сб. документов. М., 2006.
- Стайтс 2004* — Стайтс Р. Женское освободительное движение в России: Феминизм, нигилизм и большевизм, 1860–1930. М., 2004.
- Страхов 1890* — Страхов Н.Н. Из истории литературного нигилизма 1861–1865. СПб.: тип. бр. Пантелеевых, 1890.
- Фюрекс 2022* — Фюрекс Э. Оскорбленный взор. Политическое иконоборчество после Французской революции. М., 2022.

Штакеншнейдер 1934 — Штакеншнейдер Е.А. Дневник и записки (1854–1886). [М.]; [Л.], 1934.

Щербакова 2008 — Щербакова Е.И. «Отщепенцы». Путь к терроризму (60–80-е годы XIX века). М., 2008.

Thorstensson 2016 — Victoria Thorstensson. Nihilist fashion in 1860s–1870s Russia: The aesthetic relations of blue spectacles to reality // *Clothing Cultures*. 2016. V. 3. No. 3.

Примечания

1. Так, во всеподданнейшем докладе шефа жандармов В.А. Долгорукова значилось: «В здешней Медицинской академии также существует между студентами общество прогрессистов и нигилистов, старающееся о распространении запрещенных сочинений посредством тайного перепечатывания» (цит. по: Дело Чернышевского 1968: 126).
2. Колокол. Л. 231–232. 1 января 1867 г. С. 1895–1896.
3. Голос. 1866 г. № 307. 6 ноября.
4. О «личном фасаде» см. примечание 1 в: Фюрекс 2022: 116.
5. Так, любой открытый источник огня и легковоспламеняющийся материал, размещенный на объемном, трудно управляемом каркасе, нередко становились фатальным для женщины сочетанием.
6. «— Разве у тебя был тиф, Веруся, или какая другая болезнь, что ты остригла волосы? Ведь они у тебя такие красивые!.. И у тебя была бы такая же чудная прическа, как у твоей сестры!
— Мне некогда, крестная, тратить время на куафюры! Таня употребляет на свою прическу по часу и более...» (Водовозова 1964: 31).
7. Модный магазин. 1866. № 10. Май. С. 157.
8. Статьи журнала «Модный магазин» за 1866 г., посвященные кринолину, несколько напоминают приключенческий роман с продолжением. Так, в июньской книжке участь кринолина, казалось, была решена: «Кринолин исчезает. Женщины большого света его больше не носят; менее решительные, ходящие по улицам пешком, вдергивают четыре или пять стальных рессор в низ сильно-скошенной нижней юбки...» (Последние дни кринолина // Модный магазин. 1866. № 12. Июнь. С. 184). Чуть раньше читатели узнали: «Вопрос о кринолине решается медленно, но верно: его еще носят, но скоро оставят совсем. Уже и теперь его не надевают во время визитов и прогулки в экипаже. Вместо того надевают крахмальную юбку, а сверх нее еще юбку, накрахмаленную только внизу.

Это уже статья решенная» (Модный магазин. 1866. № 11. Июнь. С. 170). Однако позже оказывалось, что кринолиновая революция если не отменяется, то откладывается на неопределенный срок: «Относительно кринолина, компетентные журналы положительно сопротивляются его уничтожению: уменьшаться он может сколько угодно, и теперь уже он дошел до самых маленьких размеров, но совершенно снять его, это невозможно; но крайней мере в настоящую минуту» (Модный магазин. 1866. № 17. Август. С. 264). К концу же года торжествовала реакция, и революционные модницы, по каким-либо соображениях поспешившие отказаться от кринолина, подверглись в статье косвенному осуждению — как не принадлежащие к «избранному кругу», то есть истинным иконам и законодательницам моды. «Давно все говорит о близком исчезновении кринолина, так что многие поторопились уже снять его; но так как за этими многими не последовало большинство женщин избранного круга, то теперь уже решено, что кринолин существует, но значительно уменьшился в размерах» (Модный магазин. 1866. № 22. Ноябрь. С. 345). Возможно, реакция в политическом поле отразилась и на модных тенденциях.

9. Анализ сложившейся социально-экономической и психологической ситуации, приведшей к увеличению количества женщин из не самых низших сословий, ищущих заработка в городах, вывел бы нас далеко за рамки настоящей работы, поэтому отсылаем читателя к труду Ричарда Стайтса (Стайтс 2004: 55–101).
10. Подробнее см.: Некрасова 1882: 807–845.
11. Екатерина Некрасова в воспоминаниях сообщает, что инспектриса «весьма настаивала» на «сеточках» для волос, «но только в те дни, когда на курсах должен был быть кто-то из высоких гостей или из начальства академии <...> Но большинство <...> забывали об этом, а некоторые, может, и не забывали, но в академию являлись с короткими волосами. Опытная Марья Григорьевна запасалась в эти дни по дороге в академию целыми дюжинами таких сеток и тотчас по приезде на курсы облакала в них слушательниц» (Некрасова 1882: 830). Так дипломатичная инспектриса шла на компромисс, лишая своих подопечных возможности дерзкой визуальной демонстрации своей «прогрессивности», но охраняя ее суть — возможность и дальше получать высшее образование.
12. Одним из случаев такого рода может быть дело III отделения «Об учреждении комитета для суждений о „Современнике“, „Отечественных записках“ и прочих русских журналах» (начатое в феврале 1848 г.), в котором автор доказывал возможность прямого

- перехода «от неуважения к нашим старым писателям до неуважения к Государю Императору». См.: Волошина 2022: 272–273.
13. Подробнее об этом: см.: Пиетров-Эннкер 2005: 148.
 14. Об этом см.: Фюрекс 2022.
 15. Здесь стоит отметить, что описываемое противостояние касалось столиц и самых крупных городов. Незнание современных движений, в том числе нигилизма, косвенно отражается и в документах канцелярий провинциальных городов. Так, в Государственном архиве Владимирской области хранится дело (Государственный архив Владимирской области. Ф. 14. Оп. 5. Ед. хр. 3373. Д. 33–34. 21–28 сентября 1866 г.) с названием «Циркуляры министра внутренних дел, о наблюдении за распространением вредных общественных идей именуемых инглистами» (курсив здесь мой. — С.В.).
 16. ГАРФ. Ф. 109 с/а. Оп. 1. Д. 303. Л. 1 — 1 об.
 17. Там же. Л. 6 — 11 об.
 18. ГАРФ. Ф. 109 с/а. Оп. 1. Д. 303. Л. 13.
 19. Возможно, власть вполне понимала, что известные приметы одежды и внешнего вида не были конституирующими признаками «нигилисток». Подобный подход был очевидным примером абдукции, однако власти продолжали настаивать на якобы существующей связи между политической неблагонадежностью женщин — и наличием у них «нигилистического костюма» и прически: иных видимых критериев выработано не было.
 20. Отечественные записки. 1866. № 12. С. 203.
 21. Автор статьи в «Отечественных записках», в отличие от авторов «Модного магазина», не вникал в нюансы изменений объема и конструктивных особенностей кринолина.
 22. Модный магазин. 1864. № 12. Июнь. С. 187–188. За указанную ссылку сердечно благодарю Ксению Олеговну Гусарову.

